

Литература

Азадовский 1925 — *Азадовский М. К.* Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925. Вып. 1.

Азадовский 1926 — Отчет Азадовского о летних работах в Тункинском крае. Этнологическая секция в 1925—1926 гг. // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 5. С. 170—173.

Азадовский 1928 — Сказки из разных мест Сибири / под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

Азадовский 1960 — *Азадовский М. К.* Русские сказочники // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 15—79.

Астырев 1891 — *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.

Виноградов 1926 — *Виноградов Г. С.* Отчет о работе в Тункинском крае летом 1925 г. // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 5. С. 168—170.

Косыгина 1915 — *Косыгина Б.* Обычай тункинских бурят при отправлении на охоту // Живая старина. 1915. № 1—2. С. 24.

Матвеева 1976 — *Матвеева Р. П.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сорокиной-Магай. Новосибирск, 1976.

Матвеева 1984 — Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. Новосибирск, 1984.

Памятники 1983 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1983.

Соболев 1981 — Соболев А. А. Байкальские промысловики о своем фольклоре // Русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1981. С. 70—87.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Сокращения

ЛАА — личный архив автора

ХВРК — Хранилище восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Summary. *The article presents fairy tale tradition of Baikal region in the context of time and environment, shows the fate of Russian classic tale of life in close contact with alien ethnic environment.*

Key words: *Russian fairy tales, the tradition of existence, storytellers.*

ББК 82.3

УДК 8-343.4(571.6)

Т. В. КРАЮШКИНА
(Владивосток)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. *Статья посвящена региональным особенностям дальневосточной сказки. Анализируются материалы архива кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, выявляется специфика восточнославянских сказок и сказок иноязычного происхождения.*

Ключевые слова: *народная сказка, региональная фольклористика.*

Исследование регионального устного народного творчества актуально для фольклористики. Большой интерес представляет Дальний Восток, полиэтничный регион, где проживают русские и украинцы, белорусы и корейцы, евреи и татары, мордва и чуваша, эстонцы и латыши, а также коренные народы: нанайцы, удэгейцы, эвены и пр. Многонациональность — отличительная черта данного региона — не могла не найти отражения в фольклоре, в том числе и в таком популярном жанре, как сказка. Изучение сказки народов Дальнего Востока — проблема масштабная, требующая монографического обобщения, поэтому в данной статье освещен лишь один из аспектов обозначенной проблемы, а именно региональные особенности сказок, хранящихся в архиве кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Преимущественно это восточнославянские (или вошедшие в репертуар восточных славян), тексты, записанные на юге Дальнего Востока и на Камчатке, хотя мы обращаемся и к сказочной прозе башкир Приморья.

Одним из первых затронул проблему фольклора дальневосточного региона

А. П. Георгиевский, обративший внимание на уникальность устного народного творчества одного из южных краев Дальнего Востока — Приморья. В сборнике «Фольклор Приморья» он приводит девять сказок, которые предваряет вступление. Исследователь отмечает широкое распространение этого жанра «в трудовых слоях населения Приморья» [Георгиевский 1929, 95]. Хотя, по его мнению, сюжеты соответствуют основным мировым сюжетным типам, но приморской сказке присущи и некоторые особенности, например, отражение украинско-переселенческой обстановки и разнообразие «говоров Приморья» [Георгиевский 1929, 96]. После этого сказки, записанные от восточных славян на юге Дальнего Востока, отдельные сборником не издавались более пятидесяти лет.

В 1980-х гг. во Владивостоке выходят два сборника устного народного творчества. «Фольклор Дальнеречья» посвящен устному народному творчеству одного из районов Приморья, в книге 12 сказок, в том числе о животных, волшебные, бытовые [Свиридова 1986]. В сборнике «У ключика у гремучего» преобладает сказочный фольклор Приморского края, в него включены и сказки Амурской области, всего — 19 текстов (о животных, волшебные, бытовые) [Свиридова 1989]. В названных книгах представлены сказки, записанные в 50—60-х гг. XX в. от русских Л. Н. Ляхова, Н. Т. Ляхова, А. Г. Соломенниковой, Ф. С. Черновой и П. И. Шашлова, белорусок М. А. Борисенко и Е. А. Ляховой, украинцев И. А. Здорика, Е. В. Карабановой, С. Д. Колесниченко и М. Ф. Литвиненко. Л. М. Свиридовой была проделана колоссальная работа над сборником «Фольклор Дальнеречья»: опытная исследовательница по следам Е. Н. Сысеревой и Е. А. Ляховой профессионально перезаписала весь репертуар 87-и исполнителей.

Сказки Дальнего Востока включаются и в сборники сибирских сказок, как тематические, так и региональные. Это сказки о животных [Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных 1993], [Русские народные

сказки Сибири 1987], волшебные [Русские народные сказки Сибири о богатырях 1979], [Русские народные сказки Сибири о чудесном коне 1984], [Русские народные сказки Сибири 1987], легендарные [Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые 1992], бытовые [Русские народные бытовые сказки Сибири 1985], [Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые 1992]. Сборники снабжены ценными комментариями, в которых отмечаются особенности текстов. Значительная часть дальневосточных сказок в этих изданиях записана от уже упомянутых украинца М. Ф. Литвиненко и русской А. Г. Соломенниковой, признанных сказочников Дальнего Востока России.

Важной задачей фольклористики является введение в научный оборот неопубликованных дальневосточных материалов. В этом плане любопытен архив кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Начавший свое существование в начале 1960-х гг., он пополняется и по сей день. В архиве представлен преимущественно восточнославянский материал, хотя встречаются и образцы неславянского фольклора, например, тунгусо-маньчжуров и тюркских народов. Фольклорные экспедиции активно проводились в 1970—80-е гг., но в начале 1990-х гг. их уже не было: сказались материальные проблемы. Только студенты, жившие в районах края или в других краях Дальнего Востока, собирали его (и продолжают собирать сейчас). В течение последних нескольких лет ведется работа по переводению архива в электронную форму. Накопленный за несколько десятков лет фольклорный материал активно используется в учебном процессе и в научной работе.

В 1963—2001 гг. на территории Приморского и Камчатского краев было зафиксировано 45 восточнославянских сказок, среди них: 7 сказок о животных (35А* «Волк бросает добычу», 106* «Волк и свинья», 125 «Напуганные волки», 161 «Медведь на липовой ноге», 162А* «Дед, баба и волк», 212 «Коза лупле-

на», условно группа «Человек и дикие животные»); волшебные — 26 единиц (301А, В «Три подземных царства», 301А, В «Три подземных царства» (с элементами 315 «Звериное молоко» и 222В «Война птиц и зверей»), 301D* «Солдат находит исчезнувшую царевну», 313А, В, С «Чудесное бегство», 314А* «Бычок (лось, вол, птицы) — спаситель», 329 «Елена (Алена) Премудрая (мотивы)», 333 «Красная шапочка», 327С, F «Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма» (4 текста), 402 «Царевна-лягушка», 425М «Жена ужа (змея, гада)», 510А «Золушка» (2 текста), 530А «Сивко-Бурко», 532 «Незнайка», 532 «Незнайка» (мотивы), контаминация 550 «Царевич и серый волк» (мотивы) и 563 «Чудесные дары», контаминация 567 «Чудесная птица» и 303 «Два брата», 706 «Безручка», 715А Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы», 4 текста без аналогий в СУС); три — новеллистические (900 «Гордая невеста», 921F* «Гуси с Руси», без аналогий в СУС; девять — анекдотические (1641 «Знахарь» (2 текста), 1641В «Шептуха исцеляет», 1685 «Дурак женится», 1960 G «Горох до неба», 2025 «Колобок», условно группа «О глупых супружеских парах», условно группа «О глупых людях», условно группа «О глупых супружеских парах» с элементами 552В «Солнце, Месяц и Ворон — зятя» (все 3 — без аналогий в СУС)). Обращает на себя внимание следующее: во-первых, в архиве отсутствуют записи легендарных сказок; во-вторых, в записях архива преобладают односюжетные сказки, лишь три текста контаминированы (первая сказка — контаминация двух сюжетов, другая — с привлечением мотивов второго сюжета, в третьей сказке к основному сюжету присоединены мотивы двух других сюжетов).

Все тексты архива — на русском языке, но в некоторых из них встречаются украинизмы, белоруссизмы, а также очевидно влияние южнорусских говоров (насколько позволяет судить запись текста буквами русского алфавита). Только в одной сказке, зафиксированной в 1963 г., наблюдается переход с украинского языка на рус-

ский и обратно: «И в его було три сына. <...>. Ну ж, отец, нам надо жениться, он говорит: “Ну ж, женитесь на здоровье”. Вышел старшой, посмотрел и бросил стрелу» (402 «Царевна-лягушка») [Рукописный фонд 1963, 3] (данные сказочника неизвестны). Видимо, информант пытался воспроизвести сказку на украинском языке, на котором ее слышал, но периодически переходил на более привычный ему русский. В других текстах (1967—1990 гг.) встречаются лишь отдельные украинизмы и белоруссизмы: *пан, жинка, хатенка, шмутки, борщ, балабушки, жив* (= рус. *жил*), *задивився, питае, плаче, заховался, пришел до дому, сколю тиби, як*. Интересно, что белорусская сказка «Синяя свита наизнанку сшита», рассказанная по-русски (1981 г.), не содержит ни одного белоруссизма, но при этом ее текст практически идентичен белорусской сказке на белорусском языке «Сіняя сьвіта налева пашыта» [Библиотека белорусской литературы]. Это говорит о великолепной сохранности текста и о беспрепятственном включении сказки в дальневосточный репертуар, которое, возможно, состоялось не без обращения исполнителя к книжному источнику.

В одной из сказок (1685 «Дурак женится») диалектное цоканье служит средством характеристики персонажа: оно используется только в речи незадачливой Ульяны, а ее жених Богдан и невестки не цокают. Так, героиня описывает Богдану пирог, который она съела: «У нас сверху-то короцка и снизу короцка, а в середине крупка. А у вас сверху шерстоцка, а снизу костоцки!» [Рукописный фонд 1998а, 1].

Восточнославянская сказка нашего региона не избежала влияния советского времени, причем указанное явление обнаружено только в волшебных и новеллистических сказках архива. Видимо, у дальневосточных сказочников, как и у сказочников других регионов России, возникла потребность осовременивания образно-поэтической системы указанного жанра, для них было актуальным приурочить происходящие в сказках события ко времени, в котором жили сами информанты. Об этом

явлении писал ранее А. И. Никифоров в статье «Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов». Ученый отмечал введение в текст волшебной сказки элементов социального и экономического порядка [Никифоров 2008].

В некоторых текстах архива встречается изменение наименований персонажей, так, вместо *царя* и *царевны* действуют *король* и *принцесса*, в роли мнимого освободителя выступает *граф* (301D* «Солдат находит исчезнувшую царевну»). Происходит замена исконных русских наименований персонажей близкими им по статусу иностранными, которые не воспринимаются информантом как маркеры прошлого, не несут негативной оценки, но свидетельствуют о широком кругозоре сказочника. При этом происходит выбор в пользу более красивых, с точки зрения информанта, наименований персонажей, а привязка происходящих событий к России через наименования части действующих лиц оказывается менее важной.

Наблюдается и включение в сюжетную линию новых типов второстепенных персонажей, а также предметных реалий современности (официантка приносит герою выпить и закусить после того, как тот нажимает на кнопку (921F* «Гуси с Руси»). Подобные детали работают на создание образа героя, свидетельствуя о повышении его статуса. Осовременивание сказочного быта касается и традиционно используемых предметных реалий. Так, корабль, на котором отправляются спасать царскую дочь, «дал гудок» [Рукописный фонд 1980, 1] (301D* «Солдат находит исчезнувшую царевну»). Влияние советского времени заметно и в функциях персонажей: Ванька Дурочок, женившийся на царевне, описывается как номенклатурный работник: он становится *царским заместителем*, у него свой *пост*, герой, приезжая к братьям, делает *переписку села* [Рукописный фонд 1967, 1–2] (530A «Сивко-Бурко»). Трансформируется и сказочный локус: царевич ездит *по районам* в поисках девушки, обронившей туфлю (510A «Золушка»).

Влияние советского времени проявляется и в изменении сюжета. Сказка с

контаминацией сюжетов 567 «Чудесная птица» и 303 «Два брата» имеет финал, отражающий события, последовавшие за революцией 1917 г. Герой, ставший царем, едет к брату: «*Вдруг встречаются ему бородачи. Он говорит: “Я царь, я должен править страной”. Его убили. А Петр (брат царя. — Т. В.) примкнул к этим мужчинам: “Мы жизнь поведем другим путем — мирным”. И он стал их предводителем*» [Рукописный фонд 1969, 3].

В сказках о животных и в анекдотических сказках архива кафедры влияния советского времени не обнаружено. Очевидно, современность в принципе чужда поэтике сказок о животных. С анекдотическими сказками дело обстоит иначе: возможно, они (в отличие от волшебных) воспринимаются информантами как изображающие события, которые имеют отношение к прошлому (благодаря таким типам персонажей, как царь, пан, знахарь) или настоящему (дед, баба) и поэтому не требуют дополнительной привязки к современности.

Важный вопрос региональной фольклористики — проявление фольклорного сознания. В трех сказках оно проявляется через отнесенность текстов к определенному времени. Так, о сказке на сюжет 402 «Царевна-лягушка» говорится: «*Это старая древняя сказка*» [Рукописный архив 1963, 3]. Другой текст отсылает к конкретному событию, когда сказочник услышал сказку: «*В германскую войну эту сказку рассказывали*» (567 «Чудесная птица» и 303 «Два брата») [Рукописный архив 1969, 2]. Третий текст указывает на исполнителя, от которого была перенята сказка: «*Это старинная-престаринная сказка, <...> мне ее еще мама рассказывала*» (162A* «Дед, баба и волк») [Рукописный архив 1977, 1]. Сведений о принадлежности текстов русскому, украинскому или белорусскому фольклору в архиве не встречается, об этом можно судить только по типам персонажей, предметным реалиям или речевым оборотам. Из этого можно сделать следующий вывод: отнесенность текстов к давно прошедшему времени для сказочников оказывалась важнее национальной принадлежности.

К сожалению, часть записей архива пострадала, у другой части указаны только ФИО исполнителя и время записи текста, остальные данные отсутствуют, поэтому нет возможности получить полную картину о месте фиксации текстов, возрасте, образовании, социальном положении, национальности информантов. Сами тексты разной степени сохранности: есть как прекрасные образцы народного творчества, так и сокращенные пересказы.

«Сказка о козе и баране» (125 «Напуганные волки») была записана от Зои Исааковны Семенихиной в 1979 г. во Владивостоке (информантка родилась в 1937 г. в с. Новомочалей Горьковской обл.). Текст — хороший образец сказки о животных, логика повествования не нарушена, сюжет развивается стандартно. Старик и старуха выгоняют козу и барана из дому, потому что не могут их прокормить. Коза и баран находят в поле волчью голову и берут ее с собой. Персонажи, мучаясь от голода, преодолевают страх и подходят к костру, на котором четыре волка варят кашу. Коза и баран прибегают к хитрости и этим спасают себе жизнь. Стиль повествования близок к традиционному: *«Это было давным-давно. Жили в те времена старик со старухой. Жили они очень бедно»* [Рукописный фонд 1979, 1]. Но иногда стиль осовременивается. Коза просит барана принести мяса, на что тот реагирует следующим образом: *«А баран долго не заставил себя ждать, мгновенно уловив хитрость козы, отправился к мешку, принес волчью голову и подает козе»* [Там же].

Великолепный образец — сказка на сюжет 301А, В «Три подземных царства» с элементами 315 «Звериное молоко» и 222В «Война птиц и зверей». Павел Филиппович Бражин рассказал ее в п. Тавричанка Приморского края в 1979 г. (тогда ему было 55 лет). В основном, информант не отступает от традиционного стиля. Сказка начинается так: *«В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живём, жили-были царь с царицей. Всё бы хорошо, да вот не было у них детей»* [Рукописный фонд 1979а, 1]. Наличие силы у богатырей, рожденных от съеденной особенной рыбки, объясняется следую-

щим образом: *«Царевич, Кухарин и Коровин к тому времени (а тогда вообще мужчины были очень сильными и здоровыми) стали крепкими юношами»* [Там же]. Образ героя несколько изменен — военные навыки он получает не чудесным, а иным образом: *«Ещё очень много раз падал Коровин с лошади, прежде чем научился как никто другой держаться в седле. Каждую ночь он влезал в правое ухо лошади, вылезал в левое, учился управлять лошадьё, владеть оружием»* [Рукописный фонд 1979а, 2]. Коровин на протяжении всего повествования остается благородным. Даже придя на свадьбы побратимов, которые женились на девушках, спасенных героём от антагониста, он не мстит предавшим его Царевичу и Кухарину: *«Вспыхнула невеста, встревожился жених. Узнали они Коровина и уже готовы были плакать и просить прощения, только подошёл к молодым ближе Коровин <...> и тихо, чтоб не слышали, сказал:*

— Не надо. Будьте счастливы.

Неузнанный Коровин убедился в том, что девушка и Кухарин по-настоящему любят друг друга, и был очень рад этому» [Там же, 8—9].

Своеобразно трансформируют сюжет (и при этом не выглядят в нем чужеродными) элементы других сказочных сюжетов. Так, элементы сюжета 315 «Звериное молоко» включаются в конец повествования. После возвращения Коровина и женитьбы его на царевне Кухарка начинает вести себя как антагонистка (о ней не упоминалось с самого начала сказки, когда говорилось о том, что она готовила для царицы рыбу, попробовала ее и родила Кухарина). Антагонистка уговаривает героя съездить на охоту, там он хочет попариться в бане, в это время появляется черт, желающий отомстить герою за уничтожение его родственников. Коровин тянет время, топит баню сырыми дровами, ожидая, когда к нему на выручку прибегут собаки. После этого он сжигает тело убитого черта, а Кухарка находит в пепле зуб и вшивает его в подушку Коровина. Но собаки вновь помогают герою. *«А злая Кухарка не пережила воскресение Коровина, издохла от “горя”. Тут и сказке конец»* [Рукописный фонд 1979а, 11].

Представляют интерес также тексты, записанные от детей, восходящие к восточнославянским народным сказкам (четыре текста могут быть отнесены к группе волшебных сказок, пятый — к группе новеллистических). Четыре сказочника — девятилетние учащиеся средней школы № 19 г. Владивостока (запись сделана в 1996 г.).

Один из текстов представляет собой некую контаминацию известных исполнителю сюжетов. Из пяти текстов этот — самый близкий по своему духу к народным сказкам, информант демонстрирует хорошее знание традиционного сказочного стиля. Строение сказки соответствует классическому: в нем есть экспозиция, завязка, развитие сюжета, кульминация и развязка. В сказке используется традиционный зачин: «*В некотором царстве, в тридесятном государстве жил-был царь, и была у него дочь Аленушка*» [Рукописный фонд 1996а, 3]. (Следует отметить, что во всех четырех сказках героя зовут Иваном, а девушку — Аленой, Аленкой, Аленушкой.) С царевной происходит беда: она гуляла в лесу, заблудилась и попала к избушке на курьих ножках: «*Вошла она в избушку, а там на печи старуха лежит*» [Там же].

Далее говорится о горе царя и царицы, потерявших дочь. Царь ищет среди слуг того, кто бы мог отправиться на поиски царевны. Как и в традиционных сказках, вызывается только один — Иван. В тексте используется прием, не характерный для традиционных сказок, — действия двух персонажей происходят в одно и то же время в разных локусах: «*И пошел он ее искать. А в избе у бабы Яги Алена тем временем сучала*» [Там же]. Своеобразно подан мотив обнаружения избушки (но при этом сохраняется связь мотива пересечения границы миров и мотива сна): Иван замечает избушку лишь после того, как выпался в лесу. Информант без изменений воспроизводит известную ему сказочную формулу: «*Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!*» [Там же]. Минимально разработан образ Яги: она лишь присутствует в сказке как антагонист, но никаких действий, свойственных противнику, не производит ни с Аленушкой, ни с

героем, поэтому ее смерть нарушает логику повествования. Иван зашел «*в избу, достал меч и отрубил голову Бабе-яге. Разбудил Алену, и пошли они домой*» [Там же]. Традиционна концовка сказки: «*Стали они жить-поживать и добра наживать*» [Там же].

Сказка, записанная от Никиты Григорьева, тоже имеет традиционное построение, но при этом в ней своеобразно разработаны некоторые мотивы. Стиль сказки представляет собой смешение традиционного и книжно-возвышенного (в авторском понимании). Зачин представлен следующим образом: «*Далеко-далеко, где небо сходится с землей, в сказочно-красивом лесу стоял сказочно-прекрасный терем, который упирался почти в самое солнце. В этом тереме жила девочка — распрекрасная царевна Аленка*» [Рукописный фонд 1996а, 1]. Существует табу (в сказке не обозначено, кем именно оно наложено): царевне не разрешается играть с деревенскими детьми. Аленка этот запрет нарушает, прибегнув к переодеванию (в традиционных сказках, где говорится о подобном табу, девушка, напротив, выходит в сад в привычной одежде, у нее может быть закрыто только лицо; в тот миг, когда она открывает лицо, антагонист похищает ее). Аленка замечает среди других ребят Ивана. Чувства, возникшие между персонажами, описываются так: «*Ивану с первого взгляда приглянулась <...> Алена. Они познакомились, и музыка танца уносила их в другой мир воображения*» [Там же].

Похищение происходит не сразу, ему предшествует несколько встреч персонажей: «*Их встречи продолжались недолго*» [Там же]. Далее информант включает в свое повествование пословицу, за которой следует пояснение: «*“Беда пришла — отворяй ворота”. Налетел вдруг сильный ветер, закружил, закружил Алену и унес в неведомую страну*» [Там же]. В сказке отсутствует персонаж-отправитель, поэтому инициатива поисков царевны принадлежит самому Ивану.

Анализируемая сказка также не обходится без такого традиционного атрибута, как избушка, стоящая в лесу, но в ней живет не Яга и не старичок, а другие помощники — заимствованные

из американских мультипликационных фильмов — кот Том, мышка Джерри и мышка-братец. Они задают герою три задачи: Иван должен принести молоко и сыр, испечь торт и построить корабль-невидимку. Причем третью задачу герой должен выполнить не за ночь, как в традиции, а за три ночи: «*Иван призадумался, “но делу время, потехе — час”*. Иван со скоростью ветра справился со всеми заданиями» [Там же]. Все задачи герой выполняет сам. Только после этого проживающие в избушке персонажи начинают действовать как помощники. Кот превращается в штурвал, мышка Джерри — в электронный ключ, а мышка-братец — в бинокль. (О назначении штурвала в сказке говорится — Иван управляет с его помощью кораблем-невидимкой, функции же электронного ключа и бинокля остаются неразработанными.)

Антагонист обозначен как Князь тьмы. Герой с помощниками прилетает к нему во дворец и забирает Алену, противник со слугами пытается догнать беглецов. Битва с антагонистом похожа на сценку из мультипликационного фильма, причем в бой вступает не герой, а его помощники, вновь прибегнув к превращению. Информант демонстрирует знание фауны древнего мира: «*<...> хитрые мышки быстро превратились в больших динозавров, а кот Том в птеродактиля*» [Там же] и залепили тортом весь дворец противника. Антагонист, как и в сказках на сюжет 313А, В, С «Чудесное бегство», пытается расчистить «*себе дорогу, корабль-невидимка уносил возлюбленных с волшебными друзьями за пределы подземного царства*» [Там же]. Развязка традиционна: «*По возвращении в родные края была устроена пышная свадьба, какой не видывал белый свет*», в традиционной форме представлена и концовка: «*И я там был, мед-пиво пил. По усам стекло, а в рот не попало*» [Там же].

Примечательна попытка информанта соблюсти стилистику волшебной сказки. Это происходит посредством насыщения текста реалиями, связанными в сознании Н. Григорьева с русской стариной: дети играют в салки на полянке и прыгают через костер, героиня переодевается в простой сарафан, у нее

черная до пят коса, персонажи живут в тереме или в избушке.

Текст, записанный от одиннадцатилетней школьницы Оли Новицкой (г. Лесозаводск Приморского края, 2001 г.), — переложение на современный лад сказки на сюжет 333 «Красная шапочка». Сюжетная линия идентична сюжетной линии народной сказки, в тексте осовременены детали: девочка вместо красной шапочки носит красную банданочку, бабушке в гостинец несет не пирожок и горшочек с маслом, а хот-доги, волк звонит не в колокольчик, а набирает код. Речь персонажей — имитация жаргона, намеренно огрублена. Диалог между матерью и дочерью выглядит следующим образом:

«— Ну что, дочура, оттащишь хот-доги бабусе?»

— Ну конечно, мамаша, что мне стоить» [Рукописный фонд 2001а, 1].

Красная Банданочка интересуется, почему у ее бабушки такие большие лопухи, шары и гвозди. Сказка заканчивается традиционно, профессия спасительницы героини избежала осовременивания — девочку из брюха волка освобождают дровосеки.

Важным для дальневосточной сказки является еще один аспект — включение в репертуар восточных славян сказок коренных народов Дальнего Востока (пять из них могут быть отнесены к волшебным сказкам, одна — к сказкам о животных). Первая записана в 1979 г. от З. И. Семенихиной во Владивостоке. Обе сказки, очевидно, сокращенные пересказы известных ей текстов. Первая — о девочке, попавшей на Луну. Мифы на подобный сюжет характерны для фольклора тунгусо-маньчжуров. В сказке из архива количество персонажей сведено до минимума: в ней говорится о мачехе, сироте и Луне. В тылгуре (в нивхском мифе) задействовано большее количество персонажей: упоминается еще о семье, в которой живет девочка, и о щенке или об отце, сводной сестре и щенке. Мачеха заставляет сиротку много трудиться, и, что бы та ни сделала, антагонистка всегда находит повод для недовольства. Этим сказка из архива схожа с популярными русскими народными волшебными сказками на сюжет 480 «Мачеха и падчерица».

Имеются отличия в некоторых деталях, свидетельствующих о русификации текста. Если в тылгуре девочка черпает воду из лунки, то в архивном варианте — из колодца, в который затем роняет ведро, и из-за этого боится идти домой (в русской сказке (480* «Мачеха и падчерица») сиротка роняет в колодец веретено и тоже, страшась возвращения домой, прыгает за веретеном в колодец). В сказке из архива, как и в тылгуре, действие происходит ночью, чем подготавливается появление третьего персонажа — Луны. Но в отличие от сиротки из тылгура, девочка из русифицированной сказки сама проявляет инициативу и просит Луну забрать ее к себе: *«Возьми меня к себе, совсем замучила меня мачеха»* [Рукописный фонд 1979, 2]. Этим русифицированная сказка сближается с тэлулгу (мифом удэгейцев) и нингманом (нанайским мифом-сказкой). В них героини также просят Луну забрать их.

Стабильны в текстах коренных народов Дальнего Востока следующие составляющие: на Луну обязательно отправляется женский персонаж (девочка/замужняя женщина) или лягушка, которая до этого черпала воду (в руках у героини могут быть ведро или ковш, на плечах — коромысло). Завершается сказка из архива, как и тексты на этот сюжет коренных народов Дальнего Востока, объяснением, почему на Луне видно девочку: *«Исполнила ее просьбу луна и взяла к себе. С тех пор смотрят люди на луну в ясную ночь, а на ней девочка с коромыслом»* [Там же].

Вторая сказка записана от М. И. Кузиной в 1998 г. в с. Глазовка Лесозаводского р-на Приморского края. Информантка жила в Амурской области с 1953 по 1983 гг. В примечании указано, что сказки распространены в Шимановском р-не Амурской обл. В тексте объясняется, откуда М. И. Кузина знает эту сказку: *«А слышала я это от охотников. Дед твой тоже охотник был, вот они у нас часто собирались»* [Рукописный фонд 1998, 1]. Как и в удэгейском ниманку (сказке) «Озеро Сангия мама» [Подмаскин, Киреева 2010, 84—86], в тексте из архива идет речь о красавице-невесте, решившей выйти замуж

за охотника только в том случае, если он принесет ей необычный подарок: *«Есть, говорят, в тайге серебристая белка. Вот принесешь мне ее на воротник, тогда посмотрю»* [Рукописный фонд 1998, 1]. Парень соглашается и уходит в тайгу, где встречает белку и собирается ее убить. В это время в сюжетную линию включается еще один персонаж, характерный для текстов коренных народов дальневосточного региона (например, удэгейцев), — Хозяйка тайги. Она награждает охотника способностью добывать пушного зверя (для коренных народов Дальнего Востока удачливость на охоте имела огромное значение), но при этом ставит условие: *«Иди, да не избивай птиц моих много, да не лови много зверей моих. Жадным не будь, а я помогу тебе, всё устрою»* [Там же]. Парень возвращается домой и женится на красавице. Но не может преодолеть жадность, как и персонажи некоторых сказок народов Амура. Сказка заканчивается характерным для фольклора коренных народов Дальнего Востока образом: жадный герой наказывается (удача на охоте изменяет ему, жена уходит, а сам он превращается в медведя-шатуна).

Третья сказка записана в 2001 г. от воспитанников детского сада № 56 «Цветочная полянка» г. Петропавловска-Камчатского, собирателем она обозначена как корякская. Налицо контаминированный сюжет: первая его часть изначально была, видимо, заимствована у русских (402A*** «Девушка-уточка»), а вторая часть — текст коренных народов Дальнего Востока. Сказка начинается традиционно для русских текстов: *«Жили-были дед и баба»* [Рукописный фонд 2001, 1], далее в сюжет включаются характерные для Дальнего Востока географические и этнографические детали: старики живут в чуме, отправляются в тундру по грибы. Правда, затем происходит смешение локусов: с грибами они возвращаются не из тундры, а из леса, тогда-то и находят уточку. Этот персонаж, как и персонаж русской сказки (402A*** «Девушка-уточка»), имеет физический недостаток: *«Под кустом они увидели уточку, серенькую, она жалобно пищала и хло-*

пала крылышками. Бабка подошла поближе: «Дед, гляди, у нее лапка сломана! Возьмем ее к нам домой!» [Там же]. Как и русская Кривая уточка, уточка из анализируемой сказки прибирается дома, варит обед. Соседи говорят, что все это делает красивая хроменькая девушка. Дед и баба сжигают гнездо птицы (в русской сказке старики сжигают перья уточки (402А*** «Девушка-уточка»), героиня плачет и сообщает приемным родителям: «Если б вы подождали один день, я бы осталась с вами навсегда. А теперь ах! Злой шаман Гуд заберет меня» [Рукописный фонд 2001, 2]. Этот мотив аналогичен мотиву русской сказки на сюжет 402 «Царевна-лягушка», в которой говорится о муже, сжегшем шкурку жены на три дня раньше, чем это было можно, из-за чего жену похищает антагонист.

В сказке из архива сюжет развивается следующим образом — мимо летят утки и замечают девушку: «Кинем ей по перышку — пусть с нами летит» [Там же]. Этот мотив (птицы бросают человеку перья, и тот превращается в птицу) характерен для фольклора коренных народов Дальнего Востока, в частности, для устного народного творчества эвенков. Но в тексте из архива девушка отказывается лететь с утками, объясняя свой отказ тем, что птицы не помогли ей раньше, когда она нуждалась в этом. Появляется шаман и похищает не только девушку, но и солнце; старики плачут.

В это время приезжает пастух Чимур на олене и спрашивает о причине горя. Дед и баба рассказывают о своей беде, и Чимур отправляется к шаману спасти солнце и девушку. Шаман Гуд колдует, но это ему не помогает, тогда они с героем начинают бороться врукопашную: «<...> олень <...> решил помочь оленеводу, так боднул Гуда своими рогами, что шаман испугался, убежал и никогда больше не возвращался. Чимур вывел всех девушек под небо, и его добрый олень на рогах вынес солнце, и сразу тепло стало и хорошо» [Рукописный фонд 2001, 4].

Еще один важный аспект — фиксация на территории Дальнего Востока неславянских сказок от информантов-

россиян других национальностей. В архиве кафедры выявлены два таких текста. Они записаны во Владивостоке в 1996 г. от башкира, родившегося в Уфе, — Марата Рахимова. Первая — о глупом Шурале (текст сказки близок к сюжету 38 «Лапа, защемленная деревом»). Шурале — персонаж татарского, и башкирского фольклора. Сюжет сказки представлен достаточно полно. Как в известных татарских текстах, говорится о молодом герое, который находится в лесу и рубит дрова. В это время появляется Шурале и сообщает парню, что хочет его защекотать и съесть. Русское наименование персонажа — леший — информанту понятнее, чем термин *шурале*, видимо, поэтому в сказке присутствует следующая интерпретация использования термина: «Один из этих лешиев, которого звали Шурале <...>» [Рукописный фонд 1996, 1]. Леший хочет защекотать героя до смерти, и тот решает обхитрить Шурале, попросив его о помощи: «Юноша забил в щель дерева клин <...> и попросил Шурале своими длинными пальцами подержать его. А юноша выбил клин из дерева и прищемил Шурале пальцы» [Там же]. Как и у татарского шурале, у лешего из архива — длинные пальцы (башкирские шурале, как правило, одноглазы и одноноги, эти черты внешнего облика персонажа в сказке не отмечены) [Мифология 2003, 627].

Леший умоляет отпустить его, но юноша ничего не отвечает, тогда Шурале спрашивает имя героя (в известных нам татарских сказках леший спрашивает имя героя перед тем, как хочет поиграть с ним или пощекотать его). Юноша называет себя Балтыром. Информант дает необходимое пояснение этому слову: «А балтыр означает, что “что-то, происшедшее в прошлом году”» [Рукописный фонд 1996, 1]. Далее сказка из архива следует по стандартному сюжету: Шурале начинает звать на помощь других леших. Они появляются и спрашивают его: «“Как ты сюда попал, что с тобой произошло?”». — Шурале отвечает: “Да вот Балтыр меня тут прищемил”. — А лешие ему говорят: “Ну так если тебя в прошлом году еще прищемило, что же ты в новом

кричишь?» [Там же]. Из-за перевода иноязычного текста на русский язык несколько пострадала согласованность единиц в предложении о Балтыре и балтыре (субъект-подлежащее заменен временем), но смысл сохранен. На этом сказка из архива заканчивается: Шурале остается с защемленными в дереве пальцами. Впрочем, по логике этот финал соответствует известным татарским сказкам, где лешие отказываются освобождать своего глупого товарища и тот ходит по лесу с колодой, в которой защемлены его пальцы.

В другой сказке также очевидно заимствование татарского текста. Прежде всего, это имя персонажа — Суана. *Су анасы* — мать воды в татарской мифологии (именно это пояснение — мать воды — и дано в сказке из архива рядом с именем персонажа) [Мифология 2003, 514]. В башкирской мифологии дух воды назывался иначе — *хыу эйяхе*. Как и татарская Су анасы, персонаж сказки из архива выходит из воды, садится на доски, на которых женщины стирают белье, и расчесывает золотым гребнем свои седые волосы. Мальчик похищает гребень, Суана гонится за ним, мать мальчика возвращает пропажу. По сути, сюжет сказки из архива идентичен сюжету стихотворения татарского поэта Габдуллы Тукая «Золотой гребень», имеющего фольклорную основу.

Произведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о региональных особенностях сказочного фольклора Дальнего Востока. Сюжеты сказок, хранящихся в архиве кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ, в большинстве соответствуют мировым, а тексты представляют собой образцы традиционного народного творчества или их пересказы. Основная часть материалов — традиционные восточнославянские сказки, но встречаются и осовремененные вариации (первая группа). Осовременивание сказок связано с кругозором и мировосприятием информанта, при этом очевидно стремление в той или иной мере соблюсти рамки традиционного сказочного канона.

Выявлено и включение в репертуар восточных славян нашего региона фольклора коренных народов Дальнего Востока, что позволяет говорить о расширении репертуара дальневосточников. В некоторых случаях наблюдается попытка переработать тексты прозаических неславянских жанров в соответствии с традиционным каноническим восточнославянским сказком (вторая группа). Видимо, это объясняется не только схожестью жанров, но и тем, что восточнославянская сказка воспринимается информантами как образец, которому должны соответствовать неславянские тексты. Третья группа сказок — составляющая фольклора представителей неславянских национальностей, приехавших из других регионов России (сказки, записанные от информанта-башкира, в которых очевидно влияние татарского устного народного творчества).

Все тексты рассказаны на русском языке, лишь в некоторых случаях наблюдается использование украинизмов, белоруссизмов, выражений южнорусских говоров, что указывает на ведущую роль русского языка в передаче и сохранении восточнославянских и неславянских сказок на Дальнем Востоке, а также на их включение в фонд русского сказочного фольклора.

Литература

- Библиотека белорусской литературы — Библиотека белорусской литературы. URL: <http://www.bellib.org/2009-05-25-13-14-53/item/tales-folk/tales-folk-076.html>
- Георгиевский 1929 — *Георгиевский А. П.* Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Говоры. Творчество. Владивосток, 1929. Вып. 1.
- Мифология 2003 — Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 2003.
- Никифоров 2008 — *Никифоров А. И.* Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008.
- Подмаскин, Киреева 2010 — *Подмаскин В. В., Киреева И. В.* Удэгейские мифы, легенды, сказки. Владивосток, 2010.
- Русские народные бытовые сказки Сибири 1985 — Русские народные бытовые сказки Сибири / сост., вступ. статья и коммент. Н. В. Соболевой. Новосибирск, 1985.

Русские народные сказки Сибири 1987 — Русские народные сказки Сибири / сост. Р. П. Матвеева. Улан-Удэ, 1987.

Русские народные сказки Сибири о богатырях 1979 — Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск, 1979.

Русские народные сказки Сибири о чудесном коне 1984 — Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск, 1984.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных 1993 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1993.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые 1992 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск, 1992.

Свиридова 1989 — У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток, 1989.

Свиридова 1986 — Фольклор Дальнего Востока / сост. Л. М. Свиридова. Владивосток, 1986.

Архивные источники

Рукописный фонд 1963 — Рукописный фонд кафедры истории русской литературы ИРЯЛ ДВГУ. Фольклорные тексты. [Электронный ресурс]. 1963 г. П. 1. Т. 1. 1 CD ROM¹.

Рукописный фонд 1967 — 1967 г. П. 1. Т. 5.
Рукописный фонд 1969 — 1969 г. П. 3. Т. 7.
Рукописный фонд 1977 — 1977 г. П. 7. Т. 43.
Рукописный фонд 1979 — 1979 г. П. 4. Т. 21.
Рукописный фонд 1979а — 1979 г. П. 5. Т. 29.
Рукописный фонд 1980 — 1980 г. П. 4. Т. 28.
Рукописный фонд 1996 — 1996 г. П. 2. Т. 7.
Рукописный фонд 1996а — 1996 г. П. 2. Т. 8.
Рукописный фонд 1998 — 1998 г. П. 2. Т. 15.
Рукописный фонд 1998а — 1998 г. П. 3. Т. 25.
Рукописный фонд 2001 — 2001 г. П. 1. Т. 1.
Рукописный фонд 2001а — 2001 г. П. 1. Т. 7.

Summary. The article is dedicated to specific regional features of the Far Eastern fairy tale. The author analyzes archive materials from Russian Language and Literature department of Far Eastern Federal University School of Regional and International Studies, reveals the specifics of East Slavic stories and fairy tales of foreign origin.

Key words: folk tale, the regional folklore.

¹ Ниже все фонды перечислены только с указанием года, папки и тетради, остальные сведения совпадают с данным описанием.

ББК 82. 3Р-6

УДК 398

Р89

О. И. ЧАРИНА

(Якутск)

РУССКО-ЮКАГИРСКАЯ СКАЗКА И ПЕСНЯ «КУКША»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности бытования русских сказок на Колыме и Индигирке на примере сказки «Раз юкагиры жили», записанной в конце XIX в. и песни «Кукша». Юкагирская сказка перешла в репертуар русских старожилов, приобрела приемы и средства, характерные для русской сказки, песня из сказки бытует и ныне.

Ключевые слова: сказка, юкагирский фольклор, якутский фольклор, русский фольклор.

Русские старожилы Колымы и Индигирки с того момента, когда они пришли в эти места, многое освоили и развили в суровых условиях самой природы, а также восприняли от аборигенов края. Для нас было важно понять характер освоения нового пространства русскими старожилами в районе рек Индигирки и Колымы. Для этого мы опирались на местную лексику русских старожилов, отразившуюся в традиционных сказках. Несомненно, важнейшую часть в понимании постижения тундрового пространства представляют словарь говоров, составленный М. Ф. Дружининой [Дружинина 2002—2007] и словарь А. Г. Чикачева [Чикачев 2005]. Конечно, особая лексика и новые образные выражения в русских сказках не всегда являются достаточным показателем, но, тем не менее, при сравнении их с лексикой, терминами и образами, привнесенными из европейского Севера, можно наблюдать, как изменились представления переселенцев о мире, окружающей природе, соседних народах.

Освоение незнакомого пространства по большей части связано с темой границы. Так, Л. В. Рубцова пишет: «Антиномия свое/чужое наиболее репрезентативно представлена в народных нарративах. Несказочную прозу можно расценивать как структурообразующий элемент народного сознания, который не только отражает действительность,